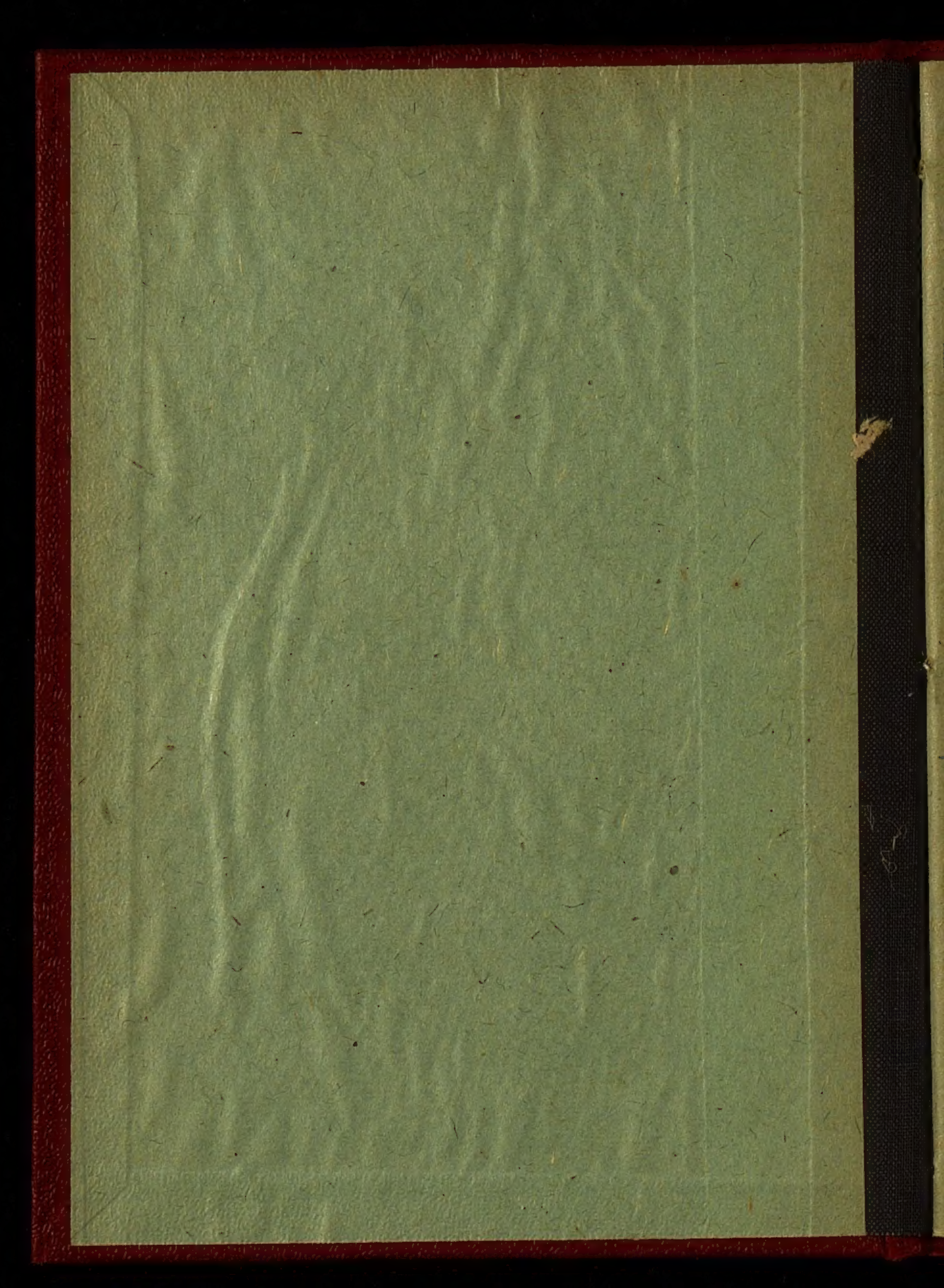
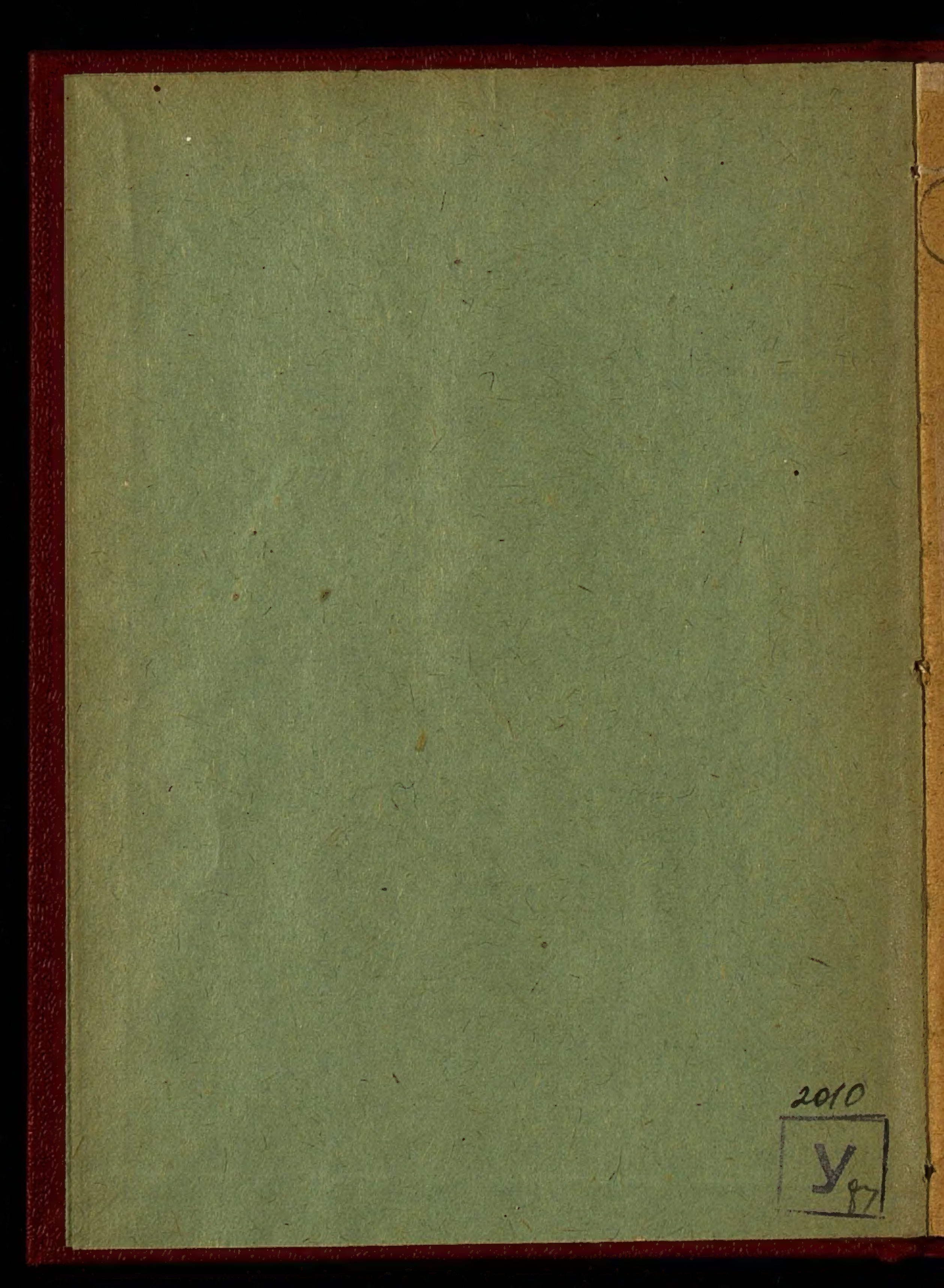
Револю̂ц группа социалистов

Земск собора требуй

1 экз

2010
У 87

Революціонная группа соціалистовъ.

ЗЕМСКАГО СОБОРА

Требуй, рабочій народъ!

Раздалося желанное слово:
Долой самодержавіе!
Да здравствуетъ свобода!
Да здравствуетъ Земскій Соборъ!
точно раскатъ грома пронеслося надъ землею русской. И дрогнуло царское правительство, зашаталось въ основахъ своихъ и съ растерянным видомъ остановилось передъ волнующейся массой народа.

ЗЕМСКІЙ СОБОРЪ!... Что же это за волшебное слово, такъ влекущее къ себѣ сердца всѣхъ борцовъ за правду и свободу и внушающее такой ужасъ и трепетъ нашему безстрашному въ борьбѣ со слабымъ и безоружнымъ царскому правительству? Откуда взялося оно и что оно значитъ?

Слово это, товарищи, издавнее, народное! Не всегда на Руси правилъ безконтрольно царь со своими чиновниками. Были и у насъ другія времена: звучно лилися призывы вѣчевого колокола; народъ толпой валилъ на площадь, на вѣче, и власти, избранныя народомъ, давали ему отчетъ въ своихъ дѣлахъ и намѣреніяхъ. Любовью и лаской встрѣчалъ и провожалъ народъ тѣхъ вождей своихъ, что ра-

дѣли о его нуждахъ. Точно море волновался онъ и гудѣлъ, когда замѣчалъ неправду и своекорыстіе въ поступкахъ своихъ избранниковъ. Расправа съ ними была коротка: нелюбъ ты намъ и прочь съ почетнаго мѣста! —„Иди по добру, по здорову, коли не хочешь бѣдь нажить“— говорили нерѣдко новгородцы нелюбимымъ ими князьямъ. И понурый шелъ князь отъ нихъ прочь, втайнѣ питая, однако, надежду авось гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ найдутся болѣе податливые люди . . .

И, нечего грѣха таить, находились такіе податливые люди и сами собственными руками своими заковывали въ цѣпи себя и дѣтей своихъ. Нужда, голодъ, взаимная вражда и недовѣріе разъединяли простой народъ, лишали его пониманія своихъ собственныхъ интересовъ и отдавали его въ руки разнымъ насильникамъ.

— А людей охочихъ жить на чужой счетъ и насильничать всегда находилось много. И много этой тли, чужеядцевъ, накопилось на землѣ русской: всѣ эти князья, бояре, дворяне, гости (именитое купечество) попы и монахи, словно піявки, пили соки народные и держали его во тьмѣ и невѣдѣніи. Они, сами невѣжественные, хорошо, однако, понимали, что чѣмъ темнѣй и непросвѣщеннѣй народъ, тѣмъ легче держать его въ своихъ рукахъ, тѣмъ спокойнѣе можно обирать его. И драли они какъ говорится, съ живого и съ мертваго: каждый шагъ, каждое дыханіе человѣческое, каждый кусокъ хлѣба, который съѣдалъ простой

человѣкъ, каждый глотокъ, который онъ выпивалъ, самое рожденіе, смерть, вѣнчаніе — все это облагалось разными пошлинами и поборами. И шли эти пошлины и поборы не на нужды общія, а на веселье и сладкое житье богатыхъ и знатныхъ людей. Одни веселились — немногіе, а другимъ — большинству жилось и холодно, и голодно. . . .

Такъ радѣлъ царь и его присные о благѣ народномъ. Но и долготерпѣнью забитыхъ и угнетенныхъ людей наступаетъ иногда конецъ. Порою что-то странное становилось съ народомъ: онъ словно просыпался отъ тяжелаго многовѣковового сна, недоумѣвающими глазами озирался онъ кругомъ, какъ бы не понимая, что съ нимъ такое случилось. Какая то неразрѣшимая тяжелая дума шевелилась въ его забитомъ и отуманенномъ ложью и лицемѣріемъ господъ мозгу,— на минуту въ немъ просыпалась мощь, сила и отвага древне-русскихъ богатырей, въ немъ оживали кровь и духъ вѣковѣчнаго Муромца Ильи. Грозный шелъ онъ на своихъ насильниковъ и жестоко расправлялся съ ними. И пожаръ загорался по лицу всей Руси, и трепеталъ властный человѣкъ, и вспоминалъ грѣхи свои противъ бѣднаго люда. Вспоминалъ и клятву давалъ править по совѣсти, по человѣчеству.

Клялися царь и его чиновники радѣть только о благѣ народномъ и забыть своекорыстіе и неправду, клялись, когда еще передъ ихъ испуганными взорами носилось зарево по-

жара. Тогда вспоминали они о земщинѣ и къ ней, къ ея излюбленнымъ людямъ, обращались за совѣтомъ, какъ править и устроить землю русскую. И съ разныхъ концовъ нашей родины шли на Москву народные избранники, шли люди посадскіе, шелъ крестьянинъ, шелъ и служилый человѣкъ. И всякій былъ равенъ другому и смѣло могъ говорить о нуждахъ своихъ, смѣло могъ требовать правды и порядка въ дѣлахъ.

Эти избранники, эти излюбленные люди земли русской и были Земскимъ Соборомъ.

Да недогадливъ былъ русскій человѣкъ, какъ недогадливъ онъ и теперь. Не догадывался онъ, что властный человѣкъ не откажется добровольно отъ власти и насилія, не откажется отъ неправды и своекорыстія, ибо вспоенъ и вскормленъ онъ неправдой и живетъ гнетомъ надъ народомъ, живетъ его соками. Довѣрчиво слушалъ онъ сладкія, лицемѣрныя рѣчи царя и чиновниковъ его и спокойно расходился по домамъ. Онъ думалъ, что царь — радѣтель и другъ его. И жестоко ошибался онъ. Вновь взвивался надъ русской землей кнутъ, вновь били батожьемъ, вновь терзали народъ и разоряли его. И бѣжалъ онъ безъ оглядки, бѣжалъ „розно“ въ лѣса и на окраины, бѣжалъ туда, гдѣ могъ вздохнуть свободнѣе и думать и вѣровать такъ, какъ подсказывала ему его совѣсть.

Но у царя и его приспѣшниковъ „глаза были завидущіе, руки загребущія“, и не было

мѣста на Руси, гдѣ бы могъ укрыться отъ нихъ простой человѣкъ. Всюду настигали они его и пили его соки, пили до одури, до бѣснованія.

Эхъ, недогадливъ былъ русскій человѣкъ! А вѣдь догадки то требовалось немного.

Не нужно было расходиться по домамъ излюбленнымъ людямъ народа; не нужно было распускать Земскаго Собора! И все было бы иначе! Не нужно было позволять царю и его чиновникамъ по своему произволу и усмотрѣнію облагать пошлинами и поборами землю русскую, не нужно было позволять имъ безконтрольно распоряжаться народнымъ добромъ. „Въ каждой копейкѣ отчетъ подавай!“ — вотъ чего нужно было требовать. И связали бы мы по рукамъ и ногамъ царя и его чиновниковъ и не мы были бы его слугами и рабами, а наоборотъ.

Эхъ, мы, заднимъ умомъ догадливые! . . . И чего бы, кажется, проще! Нѣтъ и не можетъ быть на землѣ русской власти превыше народной. Неправда, что цари поставлены намъ свыше, что они властны въ жизни и добрѣ нашемъ. Неправда это, и лживые, лицемѣрные люди, тѣ самые, что живутъ соками народными, которымъ выгодно, чтобы народъ ничего не понималъ и былъ покорнымъ рабомъ ихъ похотливыхъ вожделѣній, — все это выдумали они сами.

Не разъ бывало, что народъ на Земскихъ Соборахъ самъ своей властью ставилъ и смѣщалъ царей. Такъ поступилъ онъ съ царями

Борисомъ и Василіемъ Шуйскимъ: самъ онъ избралъ ихъ, самъ и смѣстилъ. Да и теперешніе наши цари, Романовы, и они тоже ставленники народные и они получили власть изъ рукъ нашихъ. Когда въ началѣ 17-го вѣка пошла большая розруха по землѣ русской, тогда собрался народъ на Земскомъ Соборѣ и порѣшилъ избрать въ цари Михаила, отъ котораго и пошли Романовы.

Неправда, что народъ отдалъ ему въ руки всю власть свою, что онъ отрекся отъ себя; неправда это: долго и много спорилъ народъ по поводу этого избранія и не раньше согласился имѣть Михаила царемъ, какъ взялъ съ него клятву и обѣщаніе править по его, народа, волѣ. И взяли съ него въ томъ запись рукописную. Да и избрали то Михаила въ цари не за подвиги какіе особенные, не за жизнь добродѣтельную, а потому, что нрава онъ былъ тихаго и скромнаго — попросту умомъ былъ небойкій. Да и годами то онъ былъ совсѣмъ юнъ и рода захудалаго. И думали люди, что будетъ онъ слугой народнымъ. Думали такъ, а средствъ для того не придумали; все полагались на авось,— и вышло какъ разъ наоборотъ: царь и присные его стали подъ конецъ владыками безграничными надо всей русской землей. И забылъ народъ про волю свою, про свою власть, забылъ, что воленъ онъ не только указать царямъ, въ чемъ нужда народная и какъ слѣдуетъ править землей русской, но и смѣстить царя, имъ же избраннаго, смѣстить, что-

бы дать другой укладъ отчизнѣ. Забылъ про это народъ, а пора бы вспомнить, пора взять власть въ свои руки: не дѣти мы малыя, неразумныя.

А вотъ сосѣди наши, нѣмцы, французы, англичане, поступили куда какъ умнѣе нашего. Когда ихъ королямъ и насильникамъ пришлось — по нуждѣ, понятно, — обратиться за совѣтомъ и помощью къ земщинѣ и созвать Земскіе Соборы (Генеральные Штаты — у французовъ, Палата Общинъ и Палата Лордовъ — у англичанъ), то избранники народа знали, какъ вести себя. Они потребовали, чтобы налоги налагались только съ ихъ согласія и расходовались подъ ихъ контролемъ. И какъ ни бились короли съ ними, а должны были въ концѣ концовъ уступить.

Ни тюрьма, ни ссылка, ни казни, — ничто не испугало народомъ излюбленныхъ людей, и они добились своего. И теперь у нашихъ сосѣдей есть парламенты, рейхстаги, куда народъ посылаетъ облюбованыхъ имъ представителей и черезъ нихъ рѣшаетъ всѣ дѣла государственныя.

А у насъ? У насъ.... стонъ раздается по всему лицу земли русской, отъ одного ея края до другого.... Стонетъ мужикъ, разоренный и подавленный; и всякій, кому только не лѣнь, насильничаетъ надъ нимъ. Тутъ и кулакъ-кровопійца, тутъ и попъ, тутъ и земскій начальникъ.

Стонетъ рабочій, задыхаясь въ спертомъ

и отравленномъ воздухѣ фабричной тюрьмы, стонетъ, лишенный возможности бороться за жизнь свою.... Каждая стачка, каждый протестъ, каждое проявленіе человѣческаго достоинства — все честное и искреннее свирѣпо карается нашимъ утратившимъ всякое чувство мѣры и справедливости правительствомъ.

Стонетъ молодежь, стонетъ, бросаемая въ тюрьмы, ссылаемая въ медвѣжьи углы, отдаваемая въ солдаты, избиваемая на смерть и .... разстрѣливаемая.

Все стонетъ, все задыхается, надо всѣмъ дикій произволъ.... Нашу мысль, наше чувство, нашу вѣру хотятъ сковать и заставить насъ проникнуться ложью и фальшью.

Великаго писателя земли русской, нашу славу и гордость, всему свѣту извѣстнаго графа Л. Н. Толстого отлучаютъ отъ церкви и предаютъ анаѳемѣ. Отлучаютъ!... И кто же дѣлаетъ это?! За что?! Лживые, лицемѣрные пастыри, сердца которыхъ пустынны, а уста преисполнены хулы на все правое. Отлучаютъ за то, что фальшь и ложь ихъ раскрылъ онъ передъ міромъ и русскимъ народомъ; за то, что громко вѣщаетъ онъ проповѣдь любви и братства.

Они, облаченные въ золото, шелкъ и драгоцѣнные камни, злобой и гнѣвомъ преисполнились противъ великаго старца. Когда милліоны крестьянъ умирали отъ голода и добрые люди пошли къ нимъ на помощь, преисполненные одной только заботой — хоть одного спасти отъ ужасной смерти, — и тутъ вмѣшалось

царское правительство, и тутъ увидало оно крамолу. Пусть умираютъ всѣ, лишь бы народъ не вѣдалъ друзей своихъ, лишь бы онъ, темный, не просвѣтился случайно и не позналъ, что царь и чиновники его — его злѣйшіе враги. И ушли отъ народа его друзья, ушли опечаленные, съ тяжелой думой на сердцѣ...

А тамъ, вверху, предержащія власти, не зная надъ собой ни узды, ни контроля, нагло, словно блудница Вавилонская, выносятъ на свѣтъ Божій свою мерзостную похоть и своекорыстіе. Словно коршуны на падаль, отовсюду слетѣлись они на закованнаго въ цѣпи и еще спящаго русскаго богатыря, слетѣлись и терзаютъ тѣло его.

Добро народное, кровью и потомъ добытыя крохи, жалкіе гроши, насиліемъ исторгнутые изъ рукъ рабочаго люда, отовсюду стекаются въ царскую казну и здѣсь становятся достояніемъ грабителей. Милліоны, десятки милліоновъ расхищаютъ министры и расточаютъ во славу и удовольствіе царя и его присныхъ.

Ты не знаешь и тебѣ не говорятъ объ этомъ, рабочій людъ, ты не прочтешь объ этомъ ни въ газетахъ, ни въ журналахъ!... Царскіе чиновники (цензоры) вытравляютъ каждое слово, каждый намекъ, который хоть немного могъ бы просвѣтить темнаго человѣка. Не даромъ другъ, защитникъ и вождь нѣмецкихъ рабочихъ, старикъ Либкнехтъ,— теперь ужъ покойникъ — неустанно твердилъ рабочему люду, что „знаніе есть сила".

Вотъ что творится у насъ!

А вѣдь могло бы быть иначе, и будетъ иначе, и зависитъ это отъ насъ же самихъ. Нужно только знать, что и какъ дѣлать. За послѣдніе дни Харьковъ, Москва, Кіевъ, Петербургъ показали всѣмъ, что народъ уже проснулся, что не обмануть его теперь лживыми лицемѣрными словами. Онъ начинаетъ понимать, кто другъ его, кто недругъ.

Не друзья тѣ, кто избиваетъ насъ, бросаетъ въ тюрьмы, отправляетъ въ ссылку и пьетъ нашу кровь! Не друзья тѣ, кто мѣшаетъ намъ просвѣщаться, мѣшаетъ придти къ намъ на помощь друзьямъ нашимъ, кто, разоривъ, бросаетъ насъ и дѣтей нашихъ на произволъ голодной смерти. Злѣйшій недругъ нашъ, кто говоритъ, что такъ и должно быть, что мы заслужили это.

А все это говорятъ и дѣлаютъ царь и его чиновники, полиція, жандармы, казаки и попы, тѣ самые попы, отъ простого священника до митрополита, которые крестомъ и молитвой освятили избіеніе нашихъ братьевъ-рабочихъ на улицахъ Ярославля и предали анаѳемѣ Льва Николаевича. Такъ намъ ли надѣяться на нихъ, нашихъ злѣйшихъ враговъ? Намъ ли, проснувшимся, бояться ихъ, разъ мы вооружились могучимъ оружіемъ — знаніемъ и разъ бокъ о бокъ, плечо о плечо идутъ вмѣстѣ съ нами друзья наши.

Когда мы, съ краснымъ знаменемъ въ рукахъ, подъ звуки рабочей пѣсни, пошли на

улицу и изъ переполненной груди нашей раздалось неумолчное: „Да здравствуетъ свобода!“, тогда вмѣстѣ съ нами были всѣ, кромѣ недруговъ нашихъ. Тутъ былъ и студентъ, и отважная курсистка, тутъ былъ мелкій лавочникъ и ремесленникъ, тутъ былъ ученый и писатель. Были всѣ, кого давитъ и губитъ царскій произволъ.

И испугался недругъ нашъ, зашатался онъ и пошелъ на уступки. О, лживые, коварные люди! Мелкой уступкой хотятъ они смутить насъ, хотятъ показать намъ свою ласку и заботу о насъ. И не тридцать серебренниковъ, а грошъ ломаный суютъ намъ въ руки: не будутъ де отдавать студентовъ въ солдаты. Прочь, прочь отъ насъ, ты, губитель и душитель всего юнаго, всего честнаго, ты, не вѣдающій ни правды, ни чести, ни блага отчизны!... Тѣни замученныхъ тобой, кровь, пролитая твоими приспѣшниками, эти блѣдныя, измученныя лица нашихъ женъ и дѣтей — все, все это стоитъ передъ нами неотступно и громко вопіетъ къ отмщенію, къ борьбѣ.

Нѣтъ, не уступокъ хотимъ мы, не милостей ждемъ мы отъ тебя, царское правительство! Нѣтъ, пора, настала пора подвести съ тобой давніе счеты и вырвать изъ цѣпкихъ рукъ твоихъ насиліемъ отторгнутое у народа право рѣшать по своему усмотрѣнію дѣла свои, право давать желанный укладъ родимой землѣ!

Это право ясно, какъ солнце и просто, какъ истина: мы всѣ, кто бы мы ни были, ра-

бочіе, ремесленники, ученые, писатели, мы всѣ должны потребовать созыва ЗЕМСКАГО СОБОРА. И пошлемъ мы на него излюбленныхъ нами людей, пошлемъ тѣхъ, кто знаетъ душу нашу, кто радуется съ нами одной радостью и скорбитъ одной скорбью. И дадимъ мы нашимъ избранникамъ великій наказъ: народъ долженъ быть превыше всего; нѣтъ власти, которая бы стояла надъ нимъ! Народъ, въ лицѣ своихъ довѣренныхъ людей, рѣшаетъ все, рѣшаетъ такъ, какъ желаетъ и какъ подсказываетъ ему его совѣсть и пониманіе.

И всякій, какого бы званія и чина ни былъ онъ, будь онъ богатъ или бѣденъ, долженъ быть равенъ другому и имѣетъ равное съ другими право давать свой голосъ тому, кого онъ считаетъ достойнымъ блюсти интересы народа.

Наши избранники, наши излюбленные люди скажутъ на Земскомъ Соборѣ свое вліятельное слово, они порѣшатъ, какому укладу быть на Руси, кому и какъ слѣдуетъ вручить верховное управленіе всѣми дѣлами. И правду, порядокъ внесутъ они въ нашу жизнь хозяйственную и положатъ конецъ исконнымъ голодовкамъ и безпросвѣтной нуждѣ. И станемъ мы жить не для тяжкаго, безконечнаго труда въ сырыхъ, вредныхъ и темныхъ помѣщеніяхъ, а жить жизнью человѣческой, осмысленной. И уничтожится тотъ гнетъ и насиліе, что душитъ и давитъ всѣхъ насъ, всѣхъ, отъ простого рабочаго и мужика, до студента, писателя, ученаго. И не будетъ надъ нами ни своеволія

земскихъ начальниковъ, ни наглостей полицейскихъ и жандармовъ. Не будетъ неправды, лицепріятія въ судахъ, не будетъ того, чтобы по слову министра и властныхъ людей богатый и знатный виновный не несъ никакой кары, а бѣдный и темный людъ и друзья его за правду страдали и по тюрьмамъ и ссылкамъ несли тяжелыя кары. И дастъ намъ Земскій Соборъ полную свободу, свободу во всемъ и для всего, онъ дастъ намъ свободу слова, печати, свободу совѣсти. собраній, союзовъ. Каждый долженъ имѣть право открыто и безбоязненно говорить то, что онъ думаетъ, печатать то, что онъ хочетъ, вѣровать такъ, какъ подсказываетъ ему его совѣсть, и вмѣстѣ съ друзьями своими и товарищами совмѣстно бороться и защищать свои большія и малыя дѣла. Никто не можетъ и не долженъ препятствовать намъ открыто собираться тамъ, гдѣ мы хотимъ и тогда, когда хотимъ, будетъ ли это днемъ или ночью, на открытомъ воздухѣ или въ какомъ либо помѣщеніи.

Мы не хотимъ никакой опеки, мы сами можемъ и будемъ управлять дѣлами своими, будь то дѣла общія, государственныя или же дѣла земскія, городскія и сельскія.

Свободы во всемъ хотимъ мы, свободы для всего! И если кто изъ насъ нарушитъ нами же установленные законы, кто посягнетъ на права и интересы другого, тотъ долженъ за проступки свои отвѣчать передъ закономъ, судомъ правымъ, гласнымъ и равнымъ для всѣхъ,

будь это богатый или бѣдный, забитый или простолюдинъ.

Нѣтъ и не должно быть здѣсь мѣста ни полиціи, ни жандармамъ, ни земскимъ начальникамъ.

Вотъ что намъ нужно и чего мы должны добиваться!

Помни это, рабочій людъ! Помни, ты самъ долженъ стоять на стражѣ своихъ интересовъ и не полагаться ни на чьи обѣщанія. Пока ты плотной стѣной стоишь вмѣстѣ съ своими собратьями и друзьями, пока ты зорко слѣдишь за своимъ вѣковѣчнымъ врагомъ, царскимъ правительствомъ, ты добьешься всего, добьешся новаго устроенія земли русской: ибо нѣтъ силы, которая могла бы одолѣть народъ, когда онъ сплоченъ во-едино и знаетъ чего хочетъ и какъ хочетъ.

Помни завѣтныя слова: „Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое!“ Помни ихъ и всегда будь готовъ бороться, будь готовъ отстаивать жизнью и смертью свое „право первородства“, ибо нѣтъ сильнѣйшаго и старѣйшаго тебя въ русской землѣ.

Еще много препятствій и трудовъ предстоитъ преодолѣть тебѣ: вѣдь ты только въ началѣ своего освободительнаго пути; а врагъ еще силенъ и коваренъ. Но не смущайся ничѣмъ и смѣло иди своею дорогой: правда и сила, освященная правдой, твой могучій союзникъ. Не покладай своихъ рукъ до тѣхъ поръ, пока не добьешься всего, пока честь, совѣсть, свобода

и нравственное достоинство последняго изъ насъ не будутъ стоять превыше всего, превыше всякихъ посягательствъ на нихъ.

Только такъ, только неустанной борьбой, только всегдашней готовностью крикнуть насильникамъ своимъ: Прочь съ дороги!—добьешься ты признанья своихъ правъ. Только такъ создашь ты безграничный просторъ для той шири и мощи, что кроется въ тебѣ, рабочій людъ! Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ твой могучій вождь и нелицепріятный другъ, Карлъ Марксъ, съ великимъ призывомъ обратился къ рабочему люду всѣхъ странъ и народовъ: „пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!“ И въ отвѣтъ, словно стократное эхо изъ милліоновъ грудей раздалось: рабочій, вставай! Иди на борьбу съ вѣковѣчными врагами! ... И дружно ринулись впередъ наши товарищи съ далекаго Запада и въ страхѣ побѣжалъ передъ ними врагъ, нашъ общій врагъ: произволъ царей и капиталистовъ. И тамъ занялась ужъ заря новаго дня, тамъ „грядущее будущее уже отбрасываетъ свою тѣнь на настоящее.“ Грядетъ оно, это будущее, ясное, свѣтлое, грядетъ оно, царство свободы, равенства и братства.

Нашъ долгъ, святой, великій долгъ показать всему міру и пуще всего врагамъ нашимъ, что могучій завѣтъ нашего великаго учителя достигъ и до нашего слуха и что мы не сложимъ рукъ своихъ, пока вмѣстѣ съ собратьями

и друзьями нашими со всего необъятнаго міра не уничтожимъ зла и неправды людской.

Предразсвѣтный подулъ вѣтерокъ...
Вздрогнули мрачныя тѣни,
Цѣпью сковавшія землю,
И вдаль побѣжали пугливо.

Впередъ же, товарищи! Смѣлѣе впередъ съ однимъ общимъ кличемъ:

Долой самодержавіе!
Долой правительство кулака и нагайки!
Да здравствуетъ ЗЕМСКІЙ СОБОРЪ!

